

МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Среди сѣрой, монотонной жизни и выставки картинъ представляютъ настоящія общественныя событія.

Картина Рѣпина „Какъй просторъ!“ вызвала цѣлую литературу и усиленный обмѣнъ мыслей.

На смѣну ей явилась „Рыбная ловля“ г. Бунина. Это уже въ другомъ родѣ. Совершенно бездарный художникъ и потому, конечно, неизвѣстный публикѣ, завоевалъ теперь своеобразную славу.

Нынче какъ то все равно стало, хвалятъ ли всѣ, ругаютъ ли—это совершенно безразлично, лишь бы говорили. Обратитъ на себя вниманіе толпы чѣмъ-нибудь прекраснымъ такъ трудно, да и Богомъ данный талантъ требуется. Сдѣлать какую-нибудь гадость гораздо легче и для этого ничего не требуется, вромѣ безстыднаго нахальства.

Г. Бунинъ предпочелъ сдѣлать гадость. „Рыбная ловля“—просто зляповато нарисованный не то пейзажъ, не то жанръ. Три мужика въ однѣхъ рубахахъ, безъ портовъ стоятъ на берегу. Двое вытянули неводъ. Около, высокій старикъ, тоже безъ „оныхъ“. Немного подальше уже совсѣмъ одѣтый человѣкъ бросаетъ рыбу въ котелъ.

Картина всѣми признается весьма неудачной въ художественномъ отношеніи. Но слава ея превзошла теперь громкую извѣстность лучшихъ произведеній живописи.

Оназывается — пасквиль. Въ двухъ мужикахъ всѣ узнаютъ Чехова и Рѣпина; старикъ весьма похожъ на Льва Толстого; одѣтый мужикъ — Максимъ Горькій. Аллегорію понять не трудно.

Неизвѣстно, произвела бы бунинская гадость такой шумъ, если бы не разыгравшійся внезапно скандалъ. Нѣкій московскій журналистъ (кажется, сотрудникъ „Новостей Дня“), прѣхавъ на нѣсколько часовъ въ Петербургъ и побывавъ на выставкѣ, вознегодовалъ. Подошелъ и по всѣмъ небесамъ на картинѣ Бунина начерталъ карандашемъ: „мерзость“.

Ну, конечно, начался переполохъ. Распорядители забѣгали, послали за полиціей. Тѣмъ временемъ публика, повидимому сочувствующая выходкѣ московскаго журналиста, составила письменный протестъ съ 40 подписями, требуя снятія картины съ выставки.

Взволнованнаго журналиста привлекаютъ за нарушение общественной тишины и порядка, и Бунина, говорятъ, будетъ искать съ виновника порчи картины ея стоимость — 1500 р. Пока однако, искъ еще не предъявленъ, такъ какъ г. Бунина молчитъ и нигдѣ не показывается, опасаясь, быть можетъ, другого, уже вовсе не символическаго, клейма.

Бунина достигъ своей цѣли. О немъ заговорили. Публика повалила валомъ. Картину пришлось снять и объ этомъ теперь вывѣшенъ ашлагъ.

Вотъ вамъ и весь инцидентъ. Создался онъ на чисто русской почвѣ. Во Франціи, напр., карикатуры на Виктора Гюго или Золя, не произвели бы въ свое время ровно никакого впечатлѣнія. Иные посмѣялись, другіе отвернулись бы съ омерзѣніемъ. Но серьезнаго значенія никто бы не придавалъ бы гнусному пасквилю. Мало-ли людей, которые стараются сдѣлать какую-нибудь гадость и въ томъ видятъ какъ бы свое призваніе. Кому придетъ охота мараться близкимъ соприкосновеніемъ съ какимъ-нибудь пасквильянтомъ! Но у насъ сфера выраженія своихъ мнѣній далеко не такъ обширна, и потому бунинская гадость выдѣлилась ярко и рельефно.

Отъ „Рыбной ловли“ идетъ своеобразный, смердящій духъ. Вѣдь для всякаго хорошо понятно, что какихъ-нибудь другихъ лицъ, имѣющихъ крупное значеніе въ общественной жизни, г. Бунина не пришлось бы выставлять на своей картинѣ безъ штановъ. Попытка изобразить тянущими неводъ какихъ-нибудь извѣстныхъ дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ конечно, никогда бы не увидала свѣта. Но извѣстныхъ писателей и художниковъ можно позорить безнаказанно, особенно, если эти художники и писатели еще осуждаются извѣстнымъ лагеремъ...

Я не думаю однако же, чтобы г. Бунина раздѣлялъ какія-нибудь убѣжденія, былъ противъ Толстого, Чехова и Горькаго, сомнѣваюсь даже — достаточно ли г. художникъ уяснилъ себѣ ихъ литературное и общественное значеніе. И знаетъ то ихъ можетъ быть понаслышкѣ. Суть не въ томъ. Я увѣренъ, что г. Бунина вовсе не злостный пасквильянтъ, а просто одинъ изъ современныхъ типиковъ людей, свимающихъ за неимѣніемъ личнаго дарованія, пѣнки со скандала. Въ литературѣ нынче достигнуть этого труднѣе. Къ брани, и большею частью беззубой, мы уже достаточно привыкли.

Она насъ не удивляетъ и потеряла даже всякій интересъ. Развернемъ, увидимъ, что ругаютъ все хоршее и свѣтлое въ современной русской жизни, и безъ особой злобы употребимъ сію бумагу на завертку, ибо надо же куда-нибудь употреблять печатные листы. Не то, чтобы мы относились равнодушно, но обтерпѣлись какъ то, да и знаемъ, что вся эта злобстающая чепуха находитъ такъ мало читателей, а потому — пусть ихъ пишутъ! Напримеръ хоть возьмемъ Буренина, такъ его репутація настолько непоколебима, что ежели онъ какого-нибудь начинающаго писателя похвалитъ, тому прямо совѣстно становится.

— Изругалъ васъ г. Буренинъ?

— Нѣтъ, представьте, хвалитъ.

— Ну, это дѣло дрянъ, успѣха имѣть не будете.

Но область живописи до сихъ поръ чужда и Бурениныхъ, и Грингмутовъ, и Крушевановъ, и прочей почтеннѣйшей компаніи, изрыгающей хулы на все, что высоко цѣнить русское общество.

Бунинская попытка внести пасквиля и мракобѣсіе въ чистое по сихъ поръ искусство первая въ своемъ родѣ. Но, повторяю, мнѣ не вѣрится, чтобы г. Бунина совершилъ сіе во имя нѣкагого принципа.

Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ для характеристики этихъ современныхъ типиковъ. Хочется имъ и славы, еще больше денегъ. Трудиться, жить свѣтлою мечтою будущаго, работать, какъ работали въ прежнее время, и долго и скучно. Да опять таки еще неизвѣстно, добьешься ли въ концѣ-концовъ славы. Гораздо легче учинить что-нибудь такое, что хотя бы и не имѣло ничего общаго съ искусствомъ, но заставляло бы говорить, набивало бы цѣну исключительно наглостью и нахальствомъ.

Тутъ существуютъ два пути: или уловить модное теченіе и перещегоолять его, какъ, напримеръ, дѣлаютъ декаденты, дошедшіе на послѣдней своей выставкѣ до бессмысленной мази, или, напротивъ, сыграть въ разрѣзъ.

— Вотъ хвалитъ всѣ, можно сказать, поклонаются, а я возьму да нарисую пасквиля.

Г. Бунина все на пользу, даже то, что на его картинѣ написали: „мерзость“, что его картину по желанію публики сняли съ выставки. Г. Бунина теперь за свою историческую „мерзость“ съ любителя большія деньги взять можетъ. Повѣсятъ любитель у себя эту картину и станеть показывать знакомымъ.

— Вотъ, посмотрите, какой гадкій пасквиля. Видите и надпись карандашемъ цѣля.

Да, г. Бунина наживетъ деньгу своею „мерзостью“.

Сергѣй Соломинъ.